

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

СЕРДЦЕ ПОД
ПОДОЗРЕНИЕМ



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Сердце под подозрением / Владимир Колычев. —
Москва : Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-235229-4

Илья Холмский работает врачом скорой помощи. Опытный специалист и основательный, немолодой уже человек, он имеет одну уникальную особенность: по определенным признакам Холмский может вычислить убийцу прямо на месте преступления. За это сыщики дали ему прозвище Доктор Холмс. Следователь Лидия Парфентьева не прочь завязать с Холмсом близкие отношения, а заодно воспользоваться его способностями, чтобы раскрыть несколько висящих на ней «глухарей». Доктор идет навстречу молодой привлекательной женщине. Однако выводы, которые он делает в результате своего расследования, повергают в шок не только Лидию, но и весь Следственный комитет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235229-4

© Колычев В.Г., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть первая

1

Лето, четыре утра, уже светло, воздух еще теплый после вчерашнего дня, а трава, цветы за ночь успели остыть, выпала роса, поблескивают капельки воды на листьях и лепестках. А может, цветы просто плакали, скучая по дневному теплу. Солнце выглянуло из-за горизонта, слезы сохнут, на кустах шиповника раскрываются венчики цветов, ждут опыления. Но пчел еще нет.

У дома на окраине города остановилась скорая помощь. Ворота приоткрылись автоматически, водитель остался в машине, врач и фельдшер прошли во двор. Причина вызова — человек с черепно-мозговой травмой, возможно, криминального характера. Впрочем, Илья Геннадьевич Холмский всегда включал свой персональный видеорегистратор, пересекая границу частной собственности, охраняемую законом.

Дверь открыла взлохмаченная девушка в желтом худи, свободный покрой которого не мог скрыть четвертый как минимум размер груди. Маленький аккуратный носик, большие глаза, тушь по векам размазана, на пухлых губках розовая помада неровным слоем, видно, девушка подкрашивалась второпях. На полу в прихожей неподвижно лежал человек. Лаверов Родион, если ве-

рить диспетчеру, сообщившему о травме. Лежал человек, изначально рукой касаясь двери. Когда девушка открыла дверь, кисть безжизненно легла на истертый ногами порожек. Сейчас девушка стояла, едва не касаясь ногой головы покойника, в волосах которого поблескивали осколки стекла зеленоватого оттенка. И вокруг трупа валялись осколки, в том числе крупные. Волосы у Лаверова густые, но это не очень-то смягчило удар. Волосы сухие, значит, били пустой бутылкой. Из-под шампанского. Били со всей силы, на убой, если бутылка разбилась.

— Отойдите, пожалуйста!

Движением руки Холмский не столько отгонял девушку, сколько задавал направление движения назад. Отступая, она все-таки задела ногой голову лежащего на полу мужчины. Под подошвой тапочки хрустнул осколок стекла.

Холмский нарочно произнес фразу громким голосом: наблюдал за реакцией, скорее всего, умершего уже человека. Абсолютно никакого отклика.

Ни дыхания, ни пульса, но это еще не признак смерти. Возможно, мозг еще не умер, сердце можно запустить. Холмский присел, поднял веко, осмотрел глаз, слизистая еще не высохла, помутнение не наступило, но живой блеск уже исчез. Он надавил на глазное яблоко, и зрачок приобрел вытянутую форму. Симптом «кошачьего глаза» — верный признак наступившей смерти. Дефибрилятор уже не нужен.

— Вам нужно было в полицию звонить!

Прихожая плавно перетекала в холл, свет в помещении не горел, глаза постепенно привыкли к сумраку. И Холмский заметил стоящего за девушкой человека, который одной рукой держался за голову.

— Так он живой был!.. Умер, пока вы ехали! Быстрее нельзя было?

Девичий голос истерично дрогнул. Девушка явно не в себе, но это не удивительно. На глазах человека убили. Да и вранье давалось ей непросто. Одно только положение руки покойного говорило о том, что смерть наступила практически мгновенно. Да и скорая подъехала быстро, всего за каких-то двенадцать минут.

— В полицию звонили? — доставая телефон, спросил Холмский.

— Да нет... Думали, спасем.

— А вы почему за голову держитесь?

Глаза окончательно привыкли к темноте, Холмский смог разглядеть стоящего рядом с девушкой парня. Маленькие глаза, широкий нос, тяжелый подбородок, крепкая голова на массивной шее, широкие покатые плечи, среднего роста. В одних носках, без тапочек. А вокруг стекла. Много стекла.

— Да так! — Парень поспешно убрал руку от головы.

— Осторожно, не порежьтесь, — предостерег Холмский.

Парень кивнул, боком сдал в комнату, и там темно. Свет горел только на кухне.

Холмский позвонил в дежурную часть, сообщил о происшествии, только тогда сказал, что должен осмотреть парня. Вдруг и у него травма головы.

Но идти по осколкам не хотел, да и натаптывать вокруг труп нежелательно.

— У вас есть второй выход? — спросил он.

— Да, обойти надо, — не сразу и без энтузиазма, но все-таки ответила девушка.

Она показала, с какой стороны нужно обогнуть дом, чтобы зайти на кухню. Холмский вышел, выразительно посмотрел на свою помощницу. Они с Лией уже два года вместе работают, совсем еще девчонка, двадцать три года недавно стукнуло. Парень есть, любовь, свадьба не за годами, вся жизнь впереди. А Холмский уже в годах, пятьдесят восемь стукнуло, и все у него в прошлом. Перспектива собственной смерти его тревожит, но уже не пугает.

— Нечисто там что-то, — шепнул он. — Здесь будь, если крикну, беги!

Он забрал у девушки укладку, обошел примыкающий к дому гараж, поднялся на крыльцо с потрескавшимися от времени ступеньками. Обратил внимание на калоши со свежими следами грунта на них, прямо под козырьком стоят, три пары, все большого размера. На подошве глина с рыжеватым оттенком, на носках земля, богатая перегноем. Как будто кучу компоста в этих калошах разворошили. От стены до опорного столба перила, на бетонной отмостке блестят в утреннем свете осколки зеленоватого стекла, в том числе днище от бутылки шампанского и часть стенки с этикеткой. Лопата в землю воткнута. Трава, прилегающая к полотну, сухая, в то время как вся остальная еще мокрая. Осколки долетели до лопаты, один ударился в черенок, отскочил и упал рядом.

Участок немаленький, между домом и дальним межевым забором соток шесть невозделанной земли. Трава, садовые деревья, под навесом стоит, ждет своего часа электрическая газонокосилка. Илья Геннадьевич пожал плечами. У него тоже частный дом, поменьше этого, но земля не простаивает. И теплицы есть, и картошечку высаживает, капуста, лучок, все свое.

Холмский прошел в дом, девушка встретила его, поманила за собой, свернула в холл. Он осмотрел кухню, натоптано здесь, впрочем, как и везде, на полу зеленоватые осколки стекла, совсем чуть-чуть, всего несколько стеклышек. На разделочном столе в глубине кухни Илья Геннадьевич заметил горлышко от бутылки. На обеденном столе сразу возле входа следы пиршества, початая бутылка водки, две рюмки, пара фужеров, упаковка сока, стаканы, сыр на тарелке, колбаса, заветренный салат. Три пробки от шампанского в ряд, одна за другой, как солдатики во главе с генералом — красным тубом с помадой малинового цвета. На спинке стула сиротливо висела раскрытая дамская сумочка, Илья Геннадьевич не поленился, заглянул в нее издалека, заметил колпачок от тюбика такого же красного цвета.

И еще взгляд зацепился за прикрепленные к стене воздушные шарики, на одном красовалась надпись: «С днем рождения, Катя!» На другом коряво было выведено: «K+P» — и равнялось это изображению сердечка. Над которым уже другая рука подрисовала еще одно сердце. Верхнее сердечко острием тыкалось в раздвоенность нижнего, оставалось только догадываться, что все это значило. Под шариками на стене Илья Геннадьевич заметил следы крови, довольно свежие, в которой отпечатался нос. Видно, человека ударили, он врезался в стену, прилип к ней лицом, но убрал голову не сразу. Какое-то время думал, что делать. Или даже потерялся в пространстве и времени. А может, и сознание потерял.

В межкомнатном холле свет зажгли только что. На полу осколки — и зеленоватые, и совсем прозрачные. Одну бутылку разбили о Лаверова, вторую обру-

шили на голову парня, который сейчас сидел на диване в гостиной и пристально смотрел на врача. Он хотел улыбнуться ему, но не получалось. Холмский представлял для него опасность.

— Мне совершенно все равно, как и что здесь у вас произошло... — сказал Илья Геннадьевич, поставив чемодан на диван рядом с парнем.

Он не хотел осматривать комнату, но взгляд сам скользнул в тесный закуток между диваном и креслом, а там на полу лифчик, причем нулевого, максимум первого размера. А на полке декоративного камина лежала фотография Лаверова, Холмский узнал его по волосам, по форме носа. Фотография испорчена, кто-то подрисовал к голове парня рога.

Холмский осмотрел рану на голове. Шишка, кровоточащий порез, снаружи ничего серьезного, но внутри возможна гематома.

— Совершенно все равно, — повторил он. — Но документы я у вас попрошу, паспорта, полисы, надо будет заполнить карточку вызова... И думаю, вам нужно будет проехаться с нами. Снимок сделаем.

— Да не надо, доктор! Я потом, сам как-нибудь.

— Уговаривать не буду... Бутылкой из-под водки ударили? — спросил Холмский.

— А если из-под самогона? — скривился парень.

— Самогон тоже хорошо. Самогон — антисептик. И столбнячной палочки в нем нет.

Холмский обработал рану антисептиком, на этом и закончил. Девушка принесла свой и парня паспорта. Маркушина Екатерина Сергеевна и Маркушин Никита Сергеевич. Брат и сестра, даже спрашивать не надо, и без того ясно.

— Что, даже не спросите, кто... почему Радик мертв? — Маркушин тяжело смотрел на Илью Геннадьевича.

— У Радика документы есть? — спросил Холмский.

На живого нужно заполнить карточку вызова, на мертвого — составить сигнальный лист, зафиксировать факт смерти. А потом еще с полицией объясняться, а это бумаги, бумаги. Формальности нужно воспринимать как снег посреди зимы, никуда от них не денешься.

— Я Радика ударил.

— Несильно, — закивала Маркушина, заискивающе улыбалась, глядя на Холмского.

Но при этом угрожающе смотрела на него. Пусть только попробует не поверить ей.

— Радик упал, ударился, хотел встать, я сказала лежать, вдруг он там что-то сломал, нельзя тревожить...

— Бывает иногда, — на всякий случай согласился Холмский. — Что нельзя тревожить.

Его дело маленькое: оказать помощь или зафиксировать смерть, с уголовной составляющей пусть разбирается полиция. Судмедэксперт вынесет заключение, а прокурор пусть решает, умышленное это убийство или причинение смерти по неосторожности. Илья Геннадьевич тоже даст показания и скажет, что потерпевший умер сразу. А пока будет соглашаться с версией убийцы, это его ни к чему не обязывает.

— Радик лежал, лежал. И умер, — вздохнул Маркушин.

Он хотел пальцами коснуться раны, но спохватился и отдернул руку. Как будто голова током билась.

Поворачиваясь к парню спиной, Холмский потрогал видеорегистратор, спрятанный в нагрудном кармане,

выглядывал только глазок. Время звонка четко зафиксировано, видеозапись с хронометражом, так что вряд ли Маркушины смогут обвинить скорую в медлительности. Но попытка будет, шестое чувство редко его обманывает.

К дому подъехал полицейский «уазик», а диспетчер передал новый вызов. Подозрение на ангионевротический отек, свободных экипажей поблизости от адреса нет, Холмский уже закончил здесь работать, через десять минут он уже может быть на месте. Если поспешить. С отеком Квинке шутки плохи, поэтому с полицией объясняться он будет потом, каждая минута дорога.

Выходил он через кухню, Маркушина стояла у стола, она торопливо поворачивалась к нему. В кулачке девушка что-то сжимала, Холмский не стал спрашивать, с безучастным видом прошел мимо. Но глаза его жили своей жизнью, он успел заметить, что со стола исчезла губная помада. И сумочка, кажется, уже не висела на спинке стула.

Дверь главного входа оставалась незапертой, Холмский не поленился подняться на крыльцо, открыл дверь и велел старшему наряда не сводить с покойника глаз. Сказал, что все вопросы потом, и уехал.

Ангионевротический отек подтвердился, до удушья дело не дошло. Помощь оказали вовремя, адреналин и преднизолон, капельницу ставить не стали. Выявление аллергена и медикаментозное лечение оставили на совести больного, пусть обращается в поликлинику, там помогут. Если есть желание лечиться.

В девятом часу Холмский сменился, подвез Лию к дому, подмигнул ей на прощание и отправился к себе. В свое тихое болотце, в тоску и одиночество, которое

он с легкостью для себя смог перевести в статус комфортного существования.

Два года уже прошло, как с ним нет Риты. Пятьдесят лет, считай, вместе прожили. С первого класса дружили, сразу после школы расписались, в мединституте вместе учились, работали в одной больнице, он доставлял пациентов, Рита их лечила. Она сделала карьеру, он — нет. Жена стала главным врачом, а муж так и работал на скорой, в постоянном контакте с носителями острых инфекций. Рита заразилась коронавирусом и умерла, а он так и продолжал работать. Потому что без работы совсем тоска.

Дети уже выросли. Старший сын дом себе построил, младший живет в родительской квартире, у всех своя жизнь, приезжают иногда, навещают отца. Но сегодня никого не будет, можно с головой погрузиться в работу.

С домом все в порядке, ремонт капитальный сделали, железные трубы заменили на пластиковые, мебель обновили. Рита все собиралась на пенсию, да и Холмский хотел жить, не особо напрягая себя заботами по дому. А какие могут быть заботы с магистральной канализацией и централизованным водоснабжением? Трубы только крепкие поставь, чтобы не протекало. Отопление газовое, котел новый, зимой даже думать ни о чем не надо, да и вода летом греется без сбоев, в любое время дня и ночи душ принять можно. Но Илья Геннадьевич больше уважал баньку, дрова у него березовые, сухие, горят жарко и быстро. Но это все потом. Сначала огород. И на клумбе работа есть, обрезка, подкормка. Рита очень любила свои цветы. Завтра на кладбище надо будет сходить, пионы как раз зацвели, грех букетик на могилку не поставить...

Закончил Холмский в начале седьмого, банька к этому времени подоспела, помылся, убрался, зашел в дом, бросил в кипятик пельмени. Накрыл стол в гостиной перед телевизором, чистый, напаренный. Поставил перед собой графинчик с водочкой, двести граммов, больше ни-ни. Да больше и не захочется, он же не алкоголик какой-то...

2

Первые пятьдесят граммов приятно согрели кровь, вторые — энергией жизни растеклись по организму, третья стопка окончательно сняла усталость. А после четвертой затрезвонил телефон, звонила следователь Парфентьева. Она вежливо, но сквозь зубы потребовала сегодня же явиться к ней на допрос, даже время назвала — в девятнадцать тридцать. Принудительным приводом не угрожала, поэтому Холмский также вежливо и с открытой душой пообещал явиться завтра утром. Принцип у него, под градусом людям не показываться.

Требовательный тон следователя сдвинул его с точки душевного равновесия, но увеличивать свою норму он не стал. Выпил, посидел немного перед телевизором и отправился спать.

А утром, как и обещал, открывал дверь шестнадцатого кабинета. Гладко выбритый, хорошо одетый, голова легкая, дыхание чистое. А какое может быть похмелье после двух по сто? Если организм крепкий.

За столом, опустив голову над открытой папкой, сидела приятной внешности русоволосая женщина лет тридцати пяти, на плечах золотые погоны, звезды капитанские, но сверкали они как одна генеральская. Застыв-

ший взмах руки, в длинных пальцах остро заточенный карандаш, то ли женщина собиралась дирижировать оркестром, то ли разгадывала кроссворд. Но, скорее всего, она просто изучала материалы уголовного дела, папочка перед ней тонкая, видимо, следствие находилось в начале пути. Через горы и завалы других, прошлых и настоящих дел. Только на столе восемь папок, все на одной стороне ровной стопкой. Также папками с текущими делами была занята целая полка канцелярского шкафа. Полкой выше размещались архивные дела, в папках-регистраторах с отметками на широких корешках. На одних таких папках надписи отпечатаны на принтере, на других написаны небрежно от руки. Возможно, такой перепад — признак смены настроения. У школьников, например, это сплошь и рядом. Первое сентября начинается с почерка, близкого к каллиграфическому, потом желание учиться с чистого листа пропадает, и дальше уже как курица лапой...

— Разрешите? — спросил Холмский, закрывая за собой дверь.

Парфентьева слегка повела рукой, нацелив на него карандаш, но взгляд от бумаг не оторвала.

На третьей полке шкафа красовались две почетные грамоты, одна взята в рамку, другая просто приклеена к стенке. Здесь же и фотографии — хозяйка кабинета с каким-то полковником, на второй она уже с генералом, на третьей и четвертой в окружении коллег, майоры, подполковники, ни одного капитана или старшего лейтенанта. Рамочки выстроены строго в ряд.

На столе порядок, отдельные бумаги в двухрядном лотке, карандаши-авторучки в подстаканниках, два телефона один к одному — стационарный и мобильный,

в сторонке будильник, дырокол, зеркальце и расческа, под рукой калькулятор, кружка с горячим кофе и трогательной надписью на ней. Большой принтер на низком столике, там же фотография в рамке, не видно, кто на ней изображен. На лотке несколько стикеров с напоминаниями — о делах текущего дня. И еще Холмский обратил внимание на часы: одни висели у двери, другие за спиной хозяйки кабинета — под президентским портретом. На одних часах половина десятого, на других столько же, ни минуты разницы. Можно не сомневаться, что и на будильнике то же самое время.

Парфентьева старалась выглядеть безупречно, китель отглажен, погоны новые, но вторая сверху пуговица разболтанно висела на нитке. То ли нити сами по себе ослабли, то ли кто-то дернул за пуговицу. Да правый рукав отглажен не так хорошо, как левый. И галстук приколот к рубашке как-то уж очень странно. На рубашке маленькое пятнышко, едва заметное для глаза.

Макияж неяркий, ногти наращенные, но не длинные, каре — волосок к волоску. Обручальное кольцо — на безымянном пальце левой руки. На дворе конец июня, женщина уже успела загореть, а на правом безымянном пальце едва заметная полоска, след от кольца. Коллеги знали, что у Парфентьевой нет мужа, поэтому кольцо у нее сейчас на левой руке, но статус незамужней женщины ее явно тяготил, поэтому, отправляясь домой, она и перекидывала кольцо с пальца на палец. А своему статусу следователя она придавала немалое значение, потому и фотографии высокопоставленных коллег у нее на виду.

— Холмский Илья Геннадьевич!

Женщина воткнула карандаш в подстаканник — острием вверх.

— Капитан юстиции Лидия Максимовна Парфентьева, следователь Следственного комитета, — распрямив спину, представилась она.

Голову она держала прямо, смотрела посетителю в переносицу, но хотела видеть его целиком. Хотела, но не очень-то получалось. Зато беспристрастность ей удавалась. Женщина она не совсем молодая, одинокая, мужчина перед ней в годах, но еще не старик, выглядит неплохо, довольно бодрый для своих лет, одет хорошо. Но если Парфентьева по достоинству оценила гостя, то виду не подала, потому как умела скрывать личный интерес под маской профессионала.

— Почему вчера не явились на допрос, гражданин Холмский? — строго спросила Парфентьева, желая с первой же ноты навязать собеседнику позицию оправдывающегося и поставить оппонента в зависимость от себя.

— Меня в чем-то обвиняют?

Холмский выдвинул стул из-за приставного стола. Нет у него чувства вины, его пригласили в этот кабинет, он гость, а значит, имеет право сесть, не спрашивая разрешения. Парфентьева изобразила возмущение, вскинув брови, но возражать не стала.

— Улица Вавилова, дом семьдесят девять, вам это место о чем-нибудь говорит?

— Место преступления. Убит некто Лаверов Родион Александрович. И девушка, имени которой я, к сожалению, не знаю.

— Какая девушка? — заметно растерялась Парфентьева.

Именно этого Холмский и добивался, потому как не хотел быть ведомым.

— Давайте начнем с вашего тона, что я не так сделал в доме семьдесят девять по улице Вавилова?

— Прежде всего вы уехали, не оказав помощь гражданину Маркушину. — Парфентьева говорила одно, а думала о другом.

И это Холмский поставил ее на растяжку, как снег на голову вывалив второй труп, в существовании которого он не был уверен. Шепот шестого чувства не в счет.

— Еще что вам сказал Маркушин? Что скорая помощь приехала поздно?

— И что смерть Лаверова вы установили на глазок, — кивнула Парфентьева.

— На глазок?! Оригинально! — улыбнулся Холмский.

Теперь он будет знать, как называть метод, каким устанавливается наступление биологической смерти. Симптом Белоглазова, симптом «кошачьего глаза», теперь будет «на глазок». Надавил на глаз, вот тебе и «на глазок».

— Что вы скажете по этому поводу?

— Смерть Лаверова наступила практически мгновенно. От удара бутылкой по голове.

— Вскрытие проводили вы?

— Я понимаю, Маркушин пытается смягчить ответственность, сколько там за убийство по неосторожности дают? До двух лет лишения свободы?..

— Это сейчас не важно.

— Все мои действия задокументированы. — Холмский хлопнул по карману, в котором у него лежал видеорегистратор. — Я записывал на видео каждый свой

шаг. Маркушин мог бы разглядеть глазок видеокамеры, если бы не его рассеянность, вызванная сильным душевным волнением. Ребята таких дел наворотили, голова кругом, а скорая приехала так быстро, что даже сумочку не успели спрятать.

— Какую сумочку?

— Розовую... В семьдесят девятом доме по улице Вавилова праздновали день рождения, гости разошлись, посуду вымыли, за столом остались две пары. Маркушин со своей девушкой и Маркушина со своим парнем. Уверенности нет, есть всего лишь подозрение, но, если хотите, я могу поделиться.

Парфентьева выразительно глянула на часы, висевшие у входной двери. На его досужие домыслы она готова выделить не более двух минут, так что пусть поспешит.

— Если вы были на месте преступления, если вы видели воздушные шары, вы, наверное, поняли, чей день рождения отмечали. И для кого Катя Маркушина сообщала, что у нее с Родионом Лаверовым любовь. А девушка Маркушина сообщила, что Родион роконосец. После того как в каминном зале переспала с Маркушиным. Фотографию испортила. Не знаю, откуда она эту фотографию взяла, возможно, держала при себе. В память о неудачном романе. С Лаверовым, которому и наставила рога. В отместку за его отношения с Маркушиной...

— Я видела эту фотографию, — кивнула капитан, с профессиональным интересом глядя на Холмского. — Маркушина сказала, что это ее фотография. Но сказала как-то не очень уверенно...

— Я могу продолжать? Пока мысли не разбежались.

Парфентьева кивнула.

— Вы видели воздушный шар, «К+Р» равно сердечку. Катя — Маркушина, Родион — Лаверов, и у них любовь. Сообщают нам. Любовь чистая и невинная. Но незнакомая нам девушка подает знак, что эти отношения не такие уж и невинные. Она подрисовывает к одному сердечку другое, ее рукой, по всей видимости, движет обида. Два сердца занимаются любовью. Пошлость, конечно, но молодым можно все... Кроме убийства... Лаверов занимался любовью с Маркушиной, возможно, напоказ, возможно, чтобы позлить свою бывшую девушку. Маркушину, скорее всего, не понравилось, как ведет себя Лаверов, дело дошло до драки, Никита ударил Родиона, разбил ему нос. Но драка произошла задолго до того, как Никита ударил Родиона бутылкой по голове. Нос у Родиона успел вернуться в нормальное состояние, и кровь с лица он смыл. А носом он ударился на высоте своего роста, Маркушин как минимум на полголовы ниже...

— Я перестала вас понимать! — мотнула головой Парфентьева. — Кровь, нос, рост, какие-то сердечки!.. И с чего вы взяли, что незнакомая нам девушка занималась любовью с Маркушиным?

— Я, конечно, могу заблуждаться, и на самом деле никто ни с кем ничем не занимался. Но в гостиной я видел бюстгальтер, принадлежащий явно не Кате Маркушиной. А на столе на кухне я видел малиновую помаду и три пробки от шампанского, видел там, где сидела девушка с розовой сумочкой. Сумочка эта потом пропала. И помада тоже. Насчет пробок сказать точно не могу... Пробки на столе остались?

— Какие еще пробки?